

18+

СЕГА САШИН

18+

ЛЮБОВЬ —
ЭТО НЕ ХИМИЯ.
ЭТО ВЫБОР.

ТРЕТЬЕ ПРАВИЛО

ОНИ БОЯЛИСЬ ЛЮБИТЬ.
НО РЕШИЛИ ОСТАТЬСЯ.
ДАЖЕ КОГДА СТРАШНО.
ДАЖЕ КОГДА БОЛЬНО.
ДАЖЕ КОГДА ПРОШЕ УЙТИ.

Сега Сашин
Третье правило.
Психологическая
драма с элементами
мелодрамы и love story

*<https://litres.ru/74218722>
ISBN 9785007036344*

Аннотация

Он — нейрохирург, который не умеет говорить о боли. Она — аналитик, которая взламывает чужие страхи, чтобы не чувствовать свои. Их пари начинается как игра: он докажет, что любовь — не химия. Но когда Даниил скрывает диагноз, а Лера в ответ взламывает его телефон, правда становится оружием. Смогут ли они удержать то, что не в силах контролировать? Третье правило — оставаться, даже когда хочется бежать. Взрослая история о доверии, страхе и любви, которую выбирают каждый день.

Содержание

ТРЕТЬЕ ПРАВИЛО	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ВСКРЫТИЕ	6
Глава 1. Ресторан «Прованс», пятница, 20:00	6
Глава 2. Клиника нейрохирургии и диагностики «Невский и партнёры», суббота, 18:30	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Третье правило Психологическая драма с элементами мелодрамы и love story

Сега Сашин

Дизайнер обложки Сергей Юрьевич Гурьянов

© Сега Сашин, 2026

© Сергей Юрьевич Гурьянов, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-3634-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ТРЕТЬЕ ПРАВИЛО

Сега Сашин

18+

Данное произведение содержит грубую лексику, психологически напряжённые эпизоды, упоминания болезни, нарушения личных границ и взрослые темы. Не рекомендовано лицам младше 18 лет.

Все персонажи, события, организации, цифровые сервисы и медицинские обстоятельства вымышлены. Любые совпадения случайны. Автор не пропагандирует вторжение в чужую частную жизнь, опасные отношения или отказ от медицинской помощи.

Этот роман — о двух людях, которые боялись любить, но решили остаться. Даже когда страшно. Даже когда больно. Даже когда проще уйти.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ВСКРЫТИЕ

Глава 1. Ресторан «Прованс», пятница, 20:00

Лера не любила рестораны.

Слишком много лишних данных. Музыка влияет на пульс. Запахи отвлекают. Официанты улыбаются так, будто прошли курсы для людей, которым платят за ложь. В её работе чистота эксперимента стоила дороже комфорта.

На столе перед ней лежала папка с договором, планшет и стакан воды. Вино она не заказывала: алкоголь смазывал наблюдение. Лера предпочитала, чтобы ошибался объект, а не она.

— Ты уверена, что он придёт? — спросила Ленка в наушнике.

Ленка сидела за соседним столиком, прятала телефон за меню и делала вид, что выбирает салат. Получалось плохо: Ленка всегда выглядела так, будто сейчас либо соврёт, либо засмеётся.

— Он женат, двое детей, ипотека, любовница, с которой расстался три месяца назад, — сказала Лера тихо. — Придёт.

— Ты это по фото с рыбой поняла?

— По фото с рыбой я поняла, что у него кризис. Остальное он сам мне отдал.

— Сам?

— Анкета, цифровой профиль, банковские категории, календарь, выгрузка браузера за месяц. Он сам загрузил архивы в личный кабинет, подтвердил доступ кодом из СМС и подписал согласие вчера в 23:41, не читая. Люди удивительно щедры, когда надеются, что кто-то скажет им: «вы не виноваты».

Дверь открылась. Мужчина в сером пальто остановился у входа и оглядел зал. Сорок четыре по паспорту, сорок один в зеркале, тридцать семь в голове. Дорогие часы на левой руке. Обручального кольца нет, но светлая полоска на пальце осталась.

— Валерия? — Он подошёл и протянул руку.

— Кирилл. Садитесь.

Он пожал ей руку чуть дольше, чем нужно. Смотрел не в глаза, а на губы, потом спохватился и поднял взгляд. Лера отметила: нервное возбуждение, стыд, желание понравиться, привычка думать, что деньги смягчают вину.

— Мне сказали, вы помогаете людям разобраться в себе,
— начал он.

— Нет.

Он моргнул.

— Простите?

— Я не помогаю. Я показываю, где вы врёте себе. Это не

терапия. Это диагностика без анестезии. Вы готовы?

Кирилл попытался улыбнуться.

— Звучит страшно.

— Правда часто звучит именно так.

Она развернула к нему планшет. На экране был его цифровой отчёт: запросы из добровольно выгруженного архива браузера, маршруты из загруженной геолокации, время активности, покупки, переписка, которую он сам перенёс в личный кабинет сервиса «Честный разбор».

— Ваша проблема не в браке, — сказала Лера. — Ваша проблема в том, что вы хотите быть хорошим человеком, не переставая вести себя как слабый. Жена вас раздражает, потому что перестала восхищаться. Дети вас раздражают, потому что не считают центром мира. Любовница ушла, потому что вы обещали ей «разобраться», но разобрались только с тем, как удалить переписку.

Кирилл побледнел.

— Это перебор.

— Нет. Перебор — это когда вы в три ночи гуглите «как вернуть страсть в брак», а в три пятнадцать — «девушки рядом без обязательств». Семнадцать запросов за месяц про брак. Двенадцать — про клубы для взрослых. Шесть — «стоит ли разводиться после двадцати лет». Каждый раз после разговора с женой.

— Вы не имеете права...

— Имею. Вы сами выгрузили данные и дали доступ.

Пункт 13.4 не был ловушкой. Он был написан тем же шрифтом, что и цена. Вы просто читаете только то, что хотите.

Кирилл сжал салфетку. Несколько секунд он был похож на мальчика, которого поймали за кражей конфет, и это вызвало у Леры почти жалость. Почти.

— Что мне делать? — спросил он.

Вот теперь началась работа.

— Либо честно сказать жене, что вы хотите уйти. Либо честно сказать, что боитесь уйти. Либо честно признать, что вам удобно быть несчастным, потому что тогда все вокруг должны вас жалеть. Третьего варианта нет.

— Вы жестокая.

— Я точная.

Он положил на стол пять тысяч. Сверху — пятьсот чайных. Ирония: даже уходя униженным, он хотел выглядеть щедрым.

Когда за ним закрылась дверь, Ленка пересела к Лере.

— Ты монстр.

— Я работаю.

— Он сейчас либо разведётся, либо напьётся.

— Тогда он хотя бы сделает что-то настоящее.

Ленка покачала головой.

У Ленки была дача под Волоколамском — деревянный дом с печкой, куда она сбегала, когда Москва становилась слишком громкой. Лера всегда смеялась над этой привычкой. Тогда ещё не знала, как скоро сама будет просить у этой

тишины убежища.

— Ты однажды вскроешь не того человека.

— Я не вскрываю людей. Я вскрываю ложь.

— Одно и то же, Соболева.

Лера надела пальто и вышла на улицу. Октябрь стоял на Кузнецком, как усталый врач: холодные руки, мокрый асфальт, листья на бордюрах, серое небо без обещаний.

— Мисс Жестокость, можно на минуту?

Мужчина стоял у перил. Лет сорока. Тёмно-синий пиджак, без галстука. Не курил. Не смотрел в телефон. Просто ждал, будто ожидание было его профессией.

— Вы ко мне?

— К вам. Слушал разговор.

— Подслушивать неприлично.

— Разрушать человека за ужином тоже.

Он улыбнулся уголком рта. Не зло. Устало.

Лера посмотрела на его руки. Длинные пальцы, короткие ногти, тонкий белый шрам у основания большого пальца. Хирург или пианист. Пианисты редко смотрят на людей так, будто привыкли сообщать плохие новости.

— А вы кто?

— Даниил Невский.

Он протянул визитку. Белая плотная бумага, золотой обрез. «Даниил Невский. Нейрохирург».

— Прохожие не носят визитки с золотом.

— А аналитики по кибербезопасности не берут деньги за

то, чтобы сказать человеку, что он трус. Но вы берёте. Значит, мы оба вышли за рамки.

— Чего вы хотите?

— Пари.

— С незнакомой женщиной? Вы смелый.

— Нет. Мне просто интересно, где заканчивается ваш анализ и начинается жизнь.

— Жизнь тоже анализируется.

— Любовь — нет.

Лера усмехнулась.

— Любовь — химия. Окситоцин, дофамин, серотонин. Через два года страсть падает. Остаётся привычка, ипотека и общий кот.

— Я видел, как жена целовала мужа перед четвёртой операцией на мозге, зная, что он может не проснуться. Это не привычка. Это выбор.

— Выбор — тоже химия.

— Тогда докажите. Завтра, в девятнадцать ноль-ноль. Мой центр. Я приведу человека. Вы его прочитаете. Если ошибётесь в главном — признаете, что есть вещи, которые не берутся цифровым скальпелем.

— А если не ошибусь?

— Моя коллекция первых изданий по нейронауке — ваша.

Лера не ответила сразу. Он знал, чем её зацепить. Значит, уже проверял.

— Кто этот человек?

— Увидите.

— Невский.

Он остановился.

— Да?

— Если это будет пациент, я уйду. Я не работаю с больными людьми ради ваших игр.

Впервые его улыбка исчезла.

— Хорошее правило. Пациента не будет.

Он ушёл, оставив визитку в её руке и раздражение под кожей.

Лера набрала Ленку.

— Пробыть человека. Даниил Невский. Нейрохирург.

— Уже влюбилась?

— Не тупи. Просто работа.

Она пошла к метро. Ветер шевелил листья у ног.

Неизвестность.

Лера давно не чувствовала её так остро.

Глава 2. Клиника нейрохирургии и диагностики «Невский и партнёры», суббота, 18:30

Лера приехала на полчаса раньше.

Всегда так делала. Изучить территорию, выходы, камеры, людей. Контроль был её религией, а любая религия начинается со страха.

Клиника «Невский и партнёры» занимала два этажа старого здания недалеко от Кузнецкого. На первом были диагностика и кабинеты, выше — малая операционная, палата интенсивного наблюдения и отделение, куда попадали те, у кого деньги покупали не бессмертие, а шанс. Мраморный пол, тишина, запах кофе и антисептика. Не больница в привычном смысле, а место, где богатым людям обещали, что смерть, если уж постучит, сделает это вежливо.

Охранник сверил паспорт.

— Доктор Невский ждёт вас. Четвёртый этаж.

В кабинете Даниил сидел за столом без пиджака, в белой рубашке с закатанными рукавами. На столе — истории болезни, чашка чая, очки. На подоконнике фикус. Домашняя деталь в стерильном кабинете. Неожиданно.

— Вы рано, — сказал он, не поднимая головы.

— Я всегда прихожу раньше.

— Изучаете поле боя?

— Анализирую противника.

Он поднял взгляд.

— Я не противник. Я тот, кто докажет: вы не всемогущи.

— Скучная цель. Я и так знаю.

Дверь распахнулась без стука.

— Пап, если ты собираешься читать мне нотацию, я...

Девочка замолчала, увидев Леру. Лет пятнадцать. Худое лицо, каштановое каре, чёрная толстовка на два размера больше, синие круги под глазами. На левой руке браслет из бисера: «М» и маленькое сердечко.

— Это она? — спросила девочка.

Даниил выдохнул.

— Аня, я просил подождать.

— А я не хочу ждать. — Она села на стул напротив Леры.

— Вы та психичка, которая читает людей?

— Аня.

— Я сказала почти вежливо.

Даниил посмотрел на Леру:

— Это не часть пари.

— Уже часть, — сказала Аня. — Папа вчера сказал, что вы ошибаетесь в главном. Я хочу посмотреть.

— Нет, — жёстко сказал Даниил.

Лера отметила это «нет». Быстрое, отцовское, без игры. Он не привёл дочь как приманку. Дочь сама пришла на минное поле и теперь делала вид, что это парк.

— Почему нет? — спросила Аня. — Боишься, что она меня расковыряет?

— Боюсь, что ты потом будешь делать вид, будто тебе не больно.

— Я и так делаю.

Тишина стала плотной.

Лера впервые за вечер не нашла удобной колкости.

— Я могу сказать только то, что вижу и что ты сама оставила в открытом доступе, — сказала она. — Без закрытых данных. Без взлома. И ты можешь остановить меня в любой момент.

Аня усмехнулась.

— Ну давай, тётя-скальпель.

Лера смотрела на неё несколько секунд. Не на лицо — на выбор вещей. Великоватая толстовка не просто прятала тело. Она прятала возраст. Девочка хотела казаться меньше, чем была, и злилась, что с ней обращаются как с маленькой.

— Ты злишься на отца, — начала Лера. — Не за работу. За молчание. Он не произносит имя твоей матери так часто, как тебе нужно. Боятся, что если скажет, ты развалишься. А ты думаешь, что если он молчит — она исчезает второй раз.

Аня перестала улыбаться.

Даниил тоже.

— На цепочке у тебя кольцо, — продолжила Лера. — Мамино. Ты не снимаешь его даже в душ. Плейлист «Мамины песни» открыт, там U2. «With or Without You» — чаще всего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.